
УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

УДК 343.144.5

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИГРАФА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Е. В. БРЯНСКАЯ¹⁾, В. И. САМАРИН²⁾

¹⁾Иркутский государственный университет, ул. Улан-Баторская, 86, 664082, г. Иркутск, Россия

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В процессе доказывания по уголовному делу одним из этапов выступает сбор доказательств, который заключается в их формировании, т. е. в преобразовании непроцессуальной информации в процессуальную. Однако прежде чем придать информации не просто процессуальное, а доказательственное значение, мы должны ее исследовать, придать анализу содержательную составляющую. Поскольку участники уголовного процесса владеют теми или иными сведениями, которые позволяют установить обстоятельства совершенного преступления, при анализе конкретных примеров из судебной практики для нас стало очевидным, что такие участники могут умышленно искажать информацию, преследуя свои интересы. В связи с этим органы уголовного преследования все чаще используют полиграф в установлении правдивости или лжности показаний. Однако не все правоприменители однозначно высказываются о целесообразности применения полиграфа и назначения психофизиологической экспертизы. Имеют место выводы о сомнительности заключения такой экспертизы, что позволяет рассуждать о ее недопустимости в качестве доказательства по уголовному делу.

Ключевые слова: доказывание; исследование доказательств; допустимость доказательств; полиграф; психофизиологическая экспертиза.

Образец цитирования:

Брянская ЕВ, Самарин ВИ. К вопросу о допустимости применения полиграфа в процессе доказывания по уголовному делу. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2018;3:108–117.

For citation:

Bryanskaya EV, Samaryn VI. The question of the admissibility of the application of the polygraph in the course of proof within the criminal case. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2018;3:108–117. Russian.

Авторы:

Елена Васильевна Брянская – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры судебного права юридического института.

Вадим Игоревич Самарин – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета.

Authors:

Elena V. Bryanskaya, PhD (law), docent; associate professor at the department of judicial law, law institute. *veret.1976@mail.ru*

Vadzim I. Samaryn, PhD (law), docent; associate professor at the department of criminal procedure and directorate of public prosecutions, faculty of law. *samarynv@bsu.by*

THE QUESTION OF THE ADMISSIBILITY OF THE APPLICATION OF THE POLYGRAPH IN THE COURSE OF PROOF WITHIN THE CRIMINAL CASE

E. V. BRYANSKAYA^a, V. I. SAMARYN^b

^a*Irkutsk State University, 8b Ulan-Batorskaya Street, Irkutsk 664082, Russia*

^b*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Corresponding author: V. I. Samaryn (samarynv@bsu.by)

One of the stages of proving within a criminal case is the collection of evidence, which consists in the formation of evidence, that is, in the transformation of non-procedural information into a procedural one. However, before giving the information not just procedural, but evidentiary value, we must examine it, must give a substantive part to the analysis. Since the participants in criminal proceedings have some information that allows to find the circumstances of a committed crime during analyzing specific cases from judicial practice, it became obvious to us that such participants can intentionally distort information in pursuit of their interest. In this regard, the criminal investigative authorities could use a polygraph in establishing the truth or falsity of the testimony. However, not all law enforcers definitely express on the advisability of using a polygraph and the commission of a psycho-physiological expert evaluation, there are conclusions about the doubtfulness of such an expert's opinion, that allows us to suggest its inadmissibility as evidence in the criminal case.

Key words: proof; examination of evidence; admissibility of evidence; polygraph (lie detector); psycho-physiological examination.

В ходе предварительного расследования нередко складывается противостояние отдельных участников уголовного процесса с лицом, в производстве которого находится уголовное дело: подозреваемые или обвиняемые, а порой и свидетели тем или иным способом искажают, утаивают показания, прибегая к такой форме защиты, как ложь, скрывают истину, сообщают умышленно сведения, не соответствующие действительности. Иногда участники процесса имеют осознанное намерение создать у лица, производящего дознание, или следователя впечатление того, что показания соответствуют действительности и являются правдивыми [1, с. 40], в таких случаях традиционные методы проведения допроса не всегда оказываются эффективными для раскрытия лжи. В связи с этим приобретает актуальность вопрос о применении исследования с использованием полиграфа.

Исторически первым «детектором лжи» был плетизмограф – прибор для измерения кровенаполнения сосудов и изменений пульса. Первым его использовал в своих исследованиях в 1877 г. итальянский физиолог А. Моссо [2, с. 183]. В СССР опыты по детекции лжи начали проводиться в 1920-е гг. практически одновременно с созданием полиграфа в США. А. Р. Лурия усовершенствовал весьма популярный в экспериментальной психологии тех лет ассоциативный метод и применил его для выявления скрываемой информации. Однако А. Р. Лурия вынужден был прекратить свои исследования в 1930-е гг. после того, как прокурор СССР А. Я. Вышинский обвинил полиграфологов в антинаучности. В 1933 г. Л. Килер создал в США полиграф, в конструкцию которого был добавлен канал измерения

сопротивления кожи, он был специально предназначен для выявления у испытуемого скрываемой информации [3, с. 222; 4, с. 239].

Соответствующие исследования в СССР возобновились только в конце 1960-х гг. Импульсом к этому «послужила серия провалов агентов одной из самых сильных разведок соцлагеря – восточногерманской “Штази”. Отлично подготовленные агенты разоблачались при помощи полиграфа... Результаты многолетней научной работы привели к появлению в 1975 г. приказа председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова о создании специального подразделения по прикладному применению аппаратного метода детекции лжи» [5, с. 227].

Официально применение полиграфа в современной России легализовали в 1992 г., когда была создана группа при Министерстве внутренних дел Российской Федерации (далее – РФ), начавшая использовать прибор в оперативно-розыскной деятельности. В 1993 г. Министерство юстиции РФ провело совещание по проблеме полиграфа с участием представителей правоохранительных органов и Верховного Суда РФ. В результате была принята первая ведомственная инструкция о порядке применения специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа федеральными органами государственной безопасности [6, с. 52; 7, с. 24] (действовала с 1993 по 1997 г., в настоящее время действует инструкция 2012 г.). Аналогичная инструкция Министерства внутренних дел РФ действовала с декабря 1994 г. (в настоящее время действует инструкция 2010 г.). Данные акты приняты с грифом «дсп». Тем не менее в научной литературе есть упоминания о том, что впер-

вые детектор лжи был открыто применен в России при расследовании дела об убийстве священника А. Меня в 1991 г. Вину за совершенное преступление взял на себя некий Г. Бобков, которого проверили на полиграфе, и выяснилось, что имеет место самооговор под давлением следствия [8].

Инструкцию о порядке проведения органами внутренних дел Республики Беларусь опроса граждан с использованием полиграфа Министерство внутренних дел Республики Беларусь приняло 4 июня 2008 г. в целях повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности и профессионального отбора в органы внутренних дел. Впоследствии аналогичные инструкции приняли Комитет государственной безопасности Республики Беларусь, Комитет государственного контроля Республики Беларусь и Государственный пограничный комитет Республики Беларусь. Данные инструкции включены в Национальный реестр правовых актов. С 2014 г. в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь проводится судебно-психологическая экспертиза с использованием полиграфа при расследовании уголовных дел по преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних [9, с. 57].

Следует отметить, что в процессе доказывания по уголовному делу применение полиграфа зарекомендовало себя неоднозначно. Проблема заключается в том, что нет единых естественнонаучных основ так называемого психофизиологического метода «детекции лжи». Значит, можно рассуждать о вероятностном характере выводов, полученных посредством применения полиграфа, результаты исследования которого чаще всего основаны на субъективной оценке специалиста-полиграфолога. Следовательно, возникает вопрос, какое значение имеет применение полиграфа и заключение психофизиологической экспертизы в процессе доказывания по уголовному делу.

Для начала стоит определиться, что же такое полиграф и психофизиологическая экспертиза, которая производится в свете информации, полученной с использованием полиграфа.

В принципе по вопросу определения понятия «полиграф» мнения ученых идентичны. В уголовно-процессуальной деятельности это прибор, предназначенный для выявления возможно скрываемой человеком информации путем контроля его физиологических реакций в ответ на задаваемые вопросы. Приборы этого класса применяют с целью исследования на предмет правдоподобности показаний допрашиваемого участника по уголовному делу [10, с. 232; 4, с. 239; 11, с. 100; 12, с. 119].

В научной литературе рассматривается судебно-психофизиологическая экспертиза, под которой понимают назначаемое с соблюдением закона процессуальное действие, состоящее в специально организованном исследовании связи между пси-

хологическими раздражителями (стимулами), несущими информацию о расследуемом событии, и физиологическими реакциями живого лица, регистрируемыми при помощи полиграфа [13, с. 149].

Сущностью психофизиологической экспертизы, как и любой другой, является применение специальных знаний в форме исследования. Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) РФ регламентирует специфику экспертного исследования, указывая, что эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями в определенной отрасли и назначенное в порядке, установленном УПК РФ, для производства судебной экспертизы и предоставления заключения. Исследование в форме экспертизы предполагает получение новых сведений, не известных лицу, в производстве которого находится уголовное дело, и другим участникам уголовного процесса. Данные сведения нельзя получить другими способами. Применительно к иным видам экспертиз цель специального исследования заключается в профессиональной оценке предмета исследования [14, с. 42; 15, с. 67], тогда как в случае психофизиологической экспертизы имеет место и констатация предполагаемого лицом, в производстве которого находится уголовное дело, факта лжи, направленного на искажение доказательственной информации. Данный вывод объясним тем, что еще на стадии принятия решения о назначении психофизиологической экспертизы имеет место подозрение в обмане, которое на уровне внутреннего убеждения лица, производящего предварительное расследование, объективно и, возможно, установлено при расследовании уголовного дела (такие факты могут иметься у эксперта уже на момент аналитического и сравнительного исследования).

Перед экспертом, проводящим психофизиологическую экспертизу, стоят задачи, обусловленные итоговой целью исследования. В юридической литературе выделяют диагностическую и каузальную задачи. Диагностическая состоит в изучении изменений, произошедших в динамике физиологических процессов, регистрируемых полиграфом у подозреваемого, под влиянием предъявляемых последнему психологических стимулов, несущих информацию о расследуемом событии. Каузальная задача психофизиологической экспертизы направлена на установление причинной связи (действительно ли физиологическая реакция вызвана предъявляемым стимулом) и на объяснение ее причины [13, с. 149].

Традиционными задачами, решаемыми с помощью полиграфа в уголовном процессе, являются следующие: 1) идентификация виновного и создание в ходе проведения опроса с использованием полиграфа условий для дачи им признательных показаний; 2) в круге подозреваемых определение лиц, не причастных к совершенному преступлению, и/или сужение круга подозреваемых; 3) выявление скрываемой (ложной) информации

в показаниях; 4) сбор дополнительной информации о расследуемом преступлении [16, с. 104].

К сожалению, указанные задачи имеют теоретическое значение и законодательно не закреплены. В Беларуси и России до настоящего времени не существует единого нормативного правового акта, регламентирующего проведение проверок на полиграфе. УПК Республики Беларусь и УПК Российской Федерации также не регламентируют специфику применения такого технического средства, как полиграф. Официальный проект Федерального закона «О применении полиграфа»¹, внесенный депутатами от партии «Единая Россия», не получил поддержки у Экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству, который посчитал использование полиграфа в качестве средства получения доказательств в уголовном судопроизводстве на данном этапе развития научных исследований соответствующей области, подготовки соответствующих кадров и судебной практики недопустимым и противоречащим ст. 49–51 Конституции РФ [17]. Возможность использования полиграфа в Беларуси оправдывается Законом Республики Беларусь от 13 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности», в РФ – Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и Федеральным законом от 6 октября 1997 г. № 131-ФЗ «О государственной тайне». В настоящее время полиграф официально применяется на основании указанных выше ведомственных инструкций.

В ведомственных инструкциях, действующих в Беларуси, указано, что результаты опроса с использованием полиграфа имеют вероятностный характер. Опрос при проведении оперативно-розыскных мероприятий служит для выдвижения следственно-оперативных версий и разработки оптимальных вариантов действий по их проверке. Информация, полученная в ходе опроса, не может использоваться в качестве доказательств. Соответственно, такие результаты не могут быть легализованы в отечественном уголовном процессе на основании ст. 101 УПК Республики Беларусь. Специальной гарантией в Беларуси является возможность проведения опроса с использованием полиграфа только после оформления заявления о добровольном согласии лица на его проведение.

В соответствии со ст. 195–207, 269, 282, 283 УПК РФ дознаватель, следователь и судья имеют право назначать экспертизу и поручать ее проведение лицу, обладающему специальными знаниями и статусом эксперта. В свете ст. 2 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» задачей государственной судебно-экспертной деятель-

ности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям и прокурорам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний. Таким образом, можно рассуждать о том, что при условии соблюдения требований действующего законодательства надлежащим образом оформленные результаты опроса с использованием полиграфа вполне могут быть заложены в основу проведения психофизиологической экспертизы и признаны в РФ доказательством, а также оцениваться в общей совокупности всех доказательств по уголовному делу. В связи с этим актуальны слова С. А. Шейфера, который писал об адекватности фиксации доказательств [18, с. 187]. Но являются ли данные полиграфа адекватным средством фиксации правдивости или ложности показаний?

Отдельные правоприменители считают, что признательные показания подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, достоверность которых подтверждается полиграфологом, претендуют на то, чтобы стать пресловутой «царицей доказательств». По нашему мнению, такая трактовка напоминает времена А. Я. Вышинского и период формальной теории доказательств. В свете УПК Республики Беларусь и УПК Российской Федерации ни одно из доказательств не имеет заранее преимущественной силы и оцениваются они в совокупности [19, с. 108]. Данный принцип можно определить как нормативно закрепленное и проявляющее себя на всех этапах расследования и рассмотрения уголовного дела руководящее положение, позволяющее оценивать ценностные свойства доказательств в их совокупности по результатам их собственного познания, сформировавшегося на основе внутреннего убеждения [20, с. 97]. Тем не менее на уровне внутреннего убеждения лица, в производстве которого находится уголовное дело, личные доказательства имеют более весомую, убеждающую силу по сравнению с другими. Значит, проверка их достоверности посредством полиграфа, возможно, и не бывает лишней.

В научном сообществе имеются диаметрально противоположные позиции относительно того, как будет развиваться правовая основа использования в доказывании результатов психофизиологических исследований с помощью полиграфа. Есть целый ряд исследований в пользу предложения о нормативном закреплении доказательственного значения результатов психофизиологических исследований с помощью полиграфа [21; 22, с. 33; 23, с. 60; 24, с. 17; 25, с. 24], и их в определенной степени можно поддержать.

Кроме того, чтобы заключение психофизиологической экспертизы для правоприменителя возыме-

¹Проект Федерального закона № 478780-5 «О применении полиграфа» (ред., внесенная в Гос. Думу Федерального собрания РФ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс / ООО «Юрспектр». М., 2018.

ло процессуальное и доказательственное значение, необходимо разобраться в тех методиках, которые используются при ее производстве. Думается, что внимание к структуре, порядку формирования и содержанию методик с применением полиграфа объясняется целесообразностью оптимизации использования специальных знаний в судопроизводстве с условием исключения возможных экспертных ошибок [26, с. 228].

Оригинальные названия методик, тесты которых используются (использовались) в ходе полиграфных исследований выглядят следующим образом: *concealed information technique* – методика (выявления) скрываемой информации; *control question technique* – методика (техника) контрольных вопросов; *relevant and irrelevant question technique* – методика проверочных и нейтральных вопросов.

Методика (выявления) скрываемой информации (МСИ или МВСИ) базируется на использовании частных признаков устанавливаемого события, которое может знать только непосредственно вовлеченное в него лицо. Логика МВСИ заключается в том, что непосредственно связанные с устанавливаемым событием лица дадут более выраженные физиологические реакции на истинные признаки события, чем на ложные, вымышленные (так называемые дистракторы), в то время как для нечастных к событию обследуемых лиц, не осведомленных о конкретных элементах этого события, все вопросы будут равноценно нейтральными.

Тесты отличаются друг от друга перечнем вопросов, их последовательностью, видами, системой обработки полученных данных. Как правило, все тесты могут содержать от четырех и более стимулов (вопросов). Во всем многообразии тестов, которые используются в процедуре полиграфных проверок, главным в их основе является наличие или отсутствие контрольных вопросов [27, с. 113; 28, с. 231].

Профессор А. Н. Порубов, ссылаясь на обобщенные данные специалистов США, указывал, «что точность детектора лжи зависит от природы лжи,

самого лжеца, от конкретной тактики постановки вопросов, от умения определить круг этих вопросов и от того, как отлажена аппаратура» [29, с. 66].

Как аргумент авторы приводят прецедент (правило) Дауберта, получивший применение в судебной практике США. Согласно этому правилу прежде чем принять решение о доказательственном значении проведенного исследования с использованием полиграфа судья обязан в ходе судебного разбирательства убедиться сначала в научной обоснованности конкретно использованного метода тестирования на полиграфе, а затем в том, что этот метод был применен правильно. Обычно в зал судебного заседания приглашаются, помимо полиграфолога, проводившего тестирование, дополнительные эксперты, выступающие с позиций «за» и «против» использования полиграфа в качестве экспертной процедуры [30]. И такой подход имеет основания: практика показывает, что отсутствие контроля за ходом процедуры со стороны допрашиваемого лица превращает его из субъекта уголовного процесса в беспомощный объект исследования [3, с. 223]. Именно последний аргумент можно встретить в решениях немецких судов, где не допускается применение полиграфа даже с согласия обвиняемого [31]. УПК Республики Польша, наоборот, позволяет использовать в уголовном процессе полиграф в ходе экспертного исследования (ст. 199а), не допуская его применение в ходе допроса [32].

Нельзя не обратить внимание на то, что применение полиграфа в теории допустимо в отношении не всех участников уголовного процесса. В свете норм УПК РФ и судебной, следственной практики однозначно решается вопрос о недопустимости применения полиграфа в отношении несовершеннолетних. Ведомственные инструкции в Беларуси позволяют опросить несовершеннолетнего, если его родители или другие законные представители (а в случае невозможности их присутствия при получении согласия несовершеннолетнего на опрос – педагог или психолог) не возражают против проведения опроса и письменно подтверждают это в заявлении.

В уголовном деле по обвинению Д. в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 4 ст. 162, п. «з» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ полиграфолог при проведении исследования руководствовался Методическими рекомендациями по выявлению противопоказаний во время подготовки и проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа для экспертов-полиграфологов и следователей следственных органов Следственного комитета РФ, разработанными сотрудниками отдела психофизиологических исследований на полиграфе Управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики Следственного комитета РФ. Исходя из обстоятельств дела, исследование в отношении Д. было нецелесообразным, поскольку в ходе изучения опросного листа было установлено, что у обследуемого «были случаи запоев более 3 дней подряд», «регулярно опохмеляется по утрам», «за весь период жизни были травмы головы». В свете таких обстоятельств было направлено ходатайство на медицинское освидетельствование (у психолога, психиатра, нарколога) Д. для решения вопроса о наличии или отсутствии противопоказаний для производства в дальнейшем психофизиологического исследования с применением полиграфа. Данное ходатайство было удовлетворено, представлена справка об осмотре у психиатра-нарколога, в которой изложен следующий диагноз: синдром зависимости от алкоголя средней степени тяжести. Вышеизложенные факторы не позволяют получить достоверные регистрируемые психофизиологические реакции, которые смогут отражать степень значимости предъявляемых стимулов, поэтому провести психофизиологическое исследование с применением полиграфа не представилось возможным².

²Уголовное дело № 13390 // Архив Иркутского областного суда за 2016 г.

И таких условностей при применении полиграфа немало. Кроме того, при анкетировании судей 201 из 300 опрошенных ответили, что результаты исследований посредством полиграфа имеют в большей степени ориентирующее, оперативно-розыскное значение, некоторые судьи проводят аналогию между весомостью полиграфного исследования и оперативными объяснениями. Проблема видится в том, что физиология человека по своей природе может быть очень сомнительной. Стоит прожить без сна хотя бы двое суток – и реакция на полиграфе будет искаженной. Иногда при учащении сердцебиения не поднимается, а падает уровень артериального давления, у людей бывает аритмия. Можно ли при таких обстоятельствах доверять полиграфному исследованию? Думается, что нет. Правоприменительно сложно дать четкий ответ «да» или «нет», «правда» или «ложь», когда нет полной уверенности в результате исследования посредством полиграфа.

Не только практики, но и современные представители уголовно-процессуальной науки периодически высказывают мнение о нецелесообразности применения полиграфа в процессе доказывания по уголовному делу. Против его применения еще в советский период выступал И. Ф. Пантелеев, констатируя в применении данного технического средства проблески американизации уголовного процесса СССР [33, с. 226]. Л. Г. Алексеев, В. А. Середнев, Т. Ф. Трофимов, несмотря на прогресс в методологии исследования, также придерживаются отрицательного мнения и полагают, что о какой-либо достоверной информации, полученной с помощью полиграфа, даже не может быть речи [34, с. 165; 3, с. 223]. В. М. Бозров подчеркивает: «И собака, и полиграф, конечно же, полезны, но не для уголовного процесса, а для сыска и оперативных целей» [35, с. 198]. Я. В. Комиссарова пишет, что по смыслу положений ст. 74, 75 УПК РФ заключения психофизиологических исследований с использованием полиграфа, равно как и заключение психофизиологической экспертизы, являются недопустимыми доказательствами и не могут использоваться в доказывании фактических обстоятельств уголовного дела. Выводы специалистов не являются научно обоснованными, поставленные на разрешение специалистов вопросы о правдивости показаний, а также о том, имели ли место в действительности обстоятельства, изложенные в обвинении, относятся к исключительной компетенции суда. Более того, составленные по результатам психофизиологических исследований документы не соответствуют

требованиям, предъявляемым к заключениям эксперта (специалиста) [36, с. 12]. Однако в практической деятельности психофизиологическую экспертизу в настоящее время проводят лица со статусом эксперта, имеющие специальные знания в психофизиологической диагностике.

Препятствует активному применению полиграфа отсутствие надлежащей регламентации в законе.

Негативное отношение к использованию полиграфа высказывают высшие судебные инстанции Беларуси и России. Например, в кассационном определении от 4 июня 2008 г. № 74-008-18 судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что суд обоснованно признал недопустимыми доказательствами заключения так называемой психофизиологической экспертизы, так как они, исходя из положений ст. 74 УПК РФ, не являются доказательствами по уголовному делу; использование выводов полиграфолога не имеет научности, а перед экспертом были поставлены вопросы правового характера, которые относятся к компетенции лица, в производстве которого находится уголовное дело. Верховный Суд РФ пришел к выводу о том, что психофизиологические экспертизы носят вероятностный характер, их можно рассматривать лишь как опрос лиц определенным «специалистом»³.

Схожая позиция высказана в определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь от 5 мая 2015 г.: «В соответствии со ст. 88 УПК Республики Беларусь источниками доказательств являются фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке. Исследование психического состояния подозреваемых, обвиняемых с применением полиграфа уголовно-процессуальным законом не предусмотрено, а поэтому оснований для проведения в отношении обвиняемого такого исследования, о чем им ставился вопрос при обращении с ходатайством в Верховный Суд, не имеется»⁴. В то же время не отрицается допустимость признательных показаний, сделанных обвиняемым после ознакомления с результатами «проверки на полиграфе»⁵.

Отдельные авторы пишут о том, что в ч. 1 ст. 144 УПК РФ указано право назначать и производить судебную экспертизу без конкретизации объектов экспертного исследования. Применительно же к проведению исследования законодатель строго ограничивает возможные объекты. Это могут быть документы, предметы, трупы. Законодательно не решен вопрос, можно ли проводить подобные исследования в отношении живых лиц, например, до

³Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 4 июня 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/6SeDZIPvQOLT/> (дата обращения: 1 июня 2018 г.).

⁴Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь от 5 мая 2015 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2018.

⁵Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь от 10 ноября 2015 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2018.

возбуждения уголовного дела, что бывает особенно важно при проверке сообщений о преступлении [37, с. 33].

Следственный комитет РФ, Генеральная прокуратура РФ придерживаются противоположной позиции и видят в применении полиграфа перспективы. Следственный комитет РФ стремится к тому, чтобы обеспечить все свои подразделения полиграфами и сделать процедуру допроса с их использованием обязательной [38, с. 4]. Психофизиологическая экспертиза рассматривается в качестве творческого подхода к расследованию преступлений. В литературе приводятся примеры «введения» в доказательственную базу результатов опроса с использованием полиграфа путем допроса проводивших такой опрос специалистов, назначения и проведения судебной психофизиологической экспертизы. Так, рекомендуется трансформировать результаты опроса на полиграфе как одного из видов оперативно-розыскных мероприятий в процессуальную форму для последующего использования в процессе доказывания [39].

По нашему мнению, результаты применения полиграфа могут быть допустимым доказательством

только при условии соблюдения конституционных гарантий личности [11, с. 100] и таких принципов уголовного процесса, как неприкосновенность личности, уважение ее чести и достоинства. Возможность полиграфического исследования допустима только при получении добровольного согласия лица, в отношении которого целесообразно применение полиграфа и производство психофизиологической экспертизы.

Поскольку реальной проблемой, мешающей полноценному использованию полиграфа в предварительном расследовании, является отсутствие единой методики производства исследований [40, с. 106], нельзя полагаться только на внутреннее убеждение правоприменителя. Психофизиологическая экспертиза должна быть прозрачной в аспекте ее законодательной и методологической регламентации. Внутреннее убеждение правоприменителя подвергается с годами профессиональной деформации, существует тенденция формирования обвинительного уклона, поэтому необходим гуманный подход к использованию «детектора лжи» в свете принципа презумпции невиновности.

Библиографические ссылки

1. Шоронов ОВ, Коновалов ОВ. Полиграф в правоохранительных органах. *Вестник Пензенского государственного университета*. 2014;4:40–44.
2. Комиссаров ВИ, Холодный ЮИ. Полиграф как средство получения процессуально значимой информации по уголовному делу. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 1999;1:180–185.
3. Середнев ВА. Полиграфные проверки в уголовном судопроизводстве: аргументы «против». *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2015;4(34):221–230.
4. Варламов ВА. *Детектор лжи*. 2-е издание. Москва: ПЕР СЭ-Пресс; 2004. 352 с.
5. Дубягина ОП. Полиграф и профилактика преступности. В: Долгова АН, редактор. *Криминальная ситуация на рубеже веков в России*. Москва: Российская криминологическая ассоциация; 1999. с. 226–241.
6. Холодный ЮИ. *Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений*. Москва: Мир безопасности; 2000. 160 с.
7. Леонтьева НЛ. Полиграф как источник доказательств по уголовному делу. *Юридическая психология*. 2011;2:22–26.
8. Жеглов А. *Детектор правды* [Интернет] [процитировано 29 мая 2018]. Доступно по: <http://www.itogi.ru/archive/2001/42/108930.html>.
9. Кирвель В. Применение полиграфа в ходе предварительного расследования и судебного следствия в Республике Беларусь: правовая проблема. *Юстиция Беларуси*. 2017;1:56–61.
10. Богаевский ВА, Печенкова ЕА. Особенности использования приемов противодействия, направленных на искажение физиологических реакций при проведении исследований с применением полиграфа. *Вестник Московского университета МВД России*. 2016;8:231–235.
11. Ларин АМ. Полиграф и права личности в уголовном процессе. *Советское государство и право*. 1981;6:99–103.
12. Свободный ФК. Полиграф в деятельности правоохранительных органов: проблемы и перспективы применения. *Вестник Томского государственного университета*. 2008;4:119–124.
13. Свободный ФК. *Судебная психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа: возможности и тенденции ее производства в уголовном процессе*. Барнаул: Издательство ААЭП; 2009. 200 с.
14. Брянская ЕВ. Аргументационные основы процесса доказывания по уголовному делу в суде первой инстанции. *Академический юридический журнал*. 2016;1:40–45.
15. Князьков АС. Проблемы доказательственной значимости назначения, производства и оценки результатов судебной экспертизы. *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2014;4:66–74.
16. Черкасова ЕС. Опыт применения опросов с использованием полиграфа в деятельности следственных управлений Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Сибирскому Федеральному округу. *Вестник Академии экономической безопасности МВД России*. 2010;8:103–106.

17. Заключение Экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству «О конституционно-правовых аспектах применения полиграфа в качестве доказательства в уголовном процессе» от 29 марта 2011 г. [Интернет] [процитировано 1 июня 2018]. Доступно по: <https://tarloeg.livejournal.com/8632.html>.
18. Шейфер СА. *Следственные действия: система и процессуальная форма*. Москва: Юрлитинформ; 2001. 208 с.
19. Брянская ЕВ. *Аргументирующая сила доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции*. Иркутск: Издательство Иркутского национального университета; 2015. 193 с.
20. Веретенникова ЕВ. Объективные и субъективные факторы внутреннего убеждения судьи в оценке доказательств. *Сибирский юридический вестник*. 2011;3:95–100.
21. Дубягина ОП. Методика психофизиологического тестирования на полиграф – надежное криминалистическое средство в установлении истины [Интернет] [процитировано 1 июня 2018]. Доступно по: <http://www.phreaking.ru/showpage.php?pageid=53606>.
22. Холодный ЮИ. Криминалистические диагностические исследования с применением полиграфа. В: Волынский АФ, Лавров ВП, редакторы. *Криминалистика*. Москва: ЮНИТИ-ДАНА; 2008. с. 32–36.
23. Комиссарова ЯВ. Комментарий к проекту Федерального закона «О применении полиграфа». *Юридический мир*. 2011;5:60–61.
24. Панюшкин ВА. Научно-технический прогресс и проблемы разработки нового УПК России: необходимость и основные требования к правовой регламентации использования достижений научно-технического прогресса в уголовном процессе. *Судебная власть и уголовный процесс*. 2016;1:17–21.
25. Центров ЕЕ. О некоторых психологических и криминалистических аспектах психофизиологических исследований на полиграфе. Память и ее значение (статья первая). *Вестник криминалистики*. 2012;2:22–30.
26. Иванова ЕВ. О нормативной регламентации процедуры исследования в судебно-экспертной деятельности. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2013;4(2):227–234.
27. Вагина ЕВ. Психологические особенности построения полиграфных тестов. *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*. 2017;1:111–122.
28. Оглоблин СИ, Молчанов АЮ. *Инструментальная детекция лжи*. Москва: Нюанс; Мир; 2004. 464 с.
29. Порубов АН. *Ложь и борьба с ней на предварительном следствии*. Минск: Амалфея; 2002. 176 с.
30. Пеленицын АБ, Сошников АП. Основные трудности и проблемы использования полиграфа в правоохранительной деятельности и кадровой работе и рекомендуемые пути их преодоления [Интернет] [процитировано 1 июня 2018]. Доступно по: <http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=919&lvl=05.13>.
31. Bundesgerichtshof Urt. v. 17.12.1998, Az.: 1 StR 156/98 [Internet] [cited 2018 June 1]. Available from: https://www.jurion.de/urteile/bgh/1998-12-17/1-str-156_98/.
32. Postanowienie Sądu Najwyższego od dnia 29 stycznia 2015 r., Sygn. akt I KZP 25/14 [Internet] [cited 2018 June 1]. Available from: <http://www.sn.pl/sites/orzecznictwo/Orzeczenia3/I%20KZP%2025-14.pdf>.
33. Пантелеев ИФ. Некоторые вопросы психологии расследования преступлений. *Труды ВЮЗИ*. 1971;XXIX: 224–226.
34. Алексеев ЛГ, Трофимов ТФ. Полиграф – еще не детектор лжи. В: Кузнецов АГ, Ярская-Смирнова ВН, редакторы. *Юридическая антропология: современные пути развития знаний о человеке*. Саратов: СЮИ МВД России; 2017. с. 161–169.
35. Бозров ВМ. «Лай-детектор» и правовое заключение ученых в уголовном процессе: реальность и перспективы. *Библиотека криминалиста: научный журнал*. 2013;6:197–202.
36. Комиссарова ЯВ. *Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве* [автореферат диссертации]. Москва: Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина; 2013. 57 с.
37. Антонов ИА, Узгорская ИА. Доказательственное значение судебной экспертизы, проведенной до возбуждения уголовного дела. *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2016;4:32–35.
38. Маркелов М, Сафронов Е. Следственный комитет делает ставку на детектор лжи. *Известия*. 2017. 3 июля. с. 4.
39. Федюнин АЕ. Психофизиологическая экспертиза в раскрытии преступлений [Интернет] [процитировано 28 мая 2018]. Доступно по: <http://sud-expertiza.ru/library/psihofiziologicheskaya-ekspertiza-v-raskrytii-prestupleniy/>.
40. Зуев СВ, редактор. *Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве*. Москва: Юрлитинформ; 2018. 245 с.

References

1. Shoronov OV, Konovalov OV. [Polygraph in law enforcement agencies]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014;4:40–44. Russian.
2. Komissarov VI, Kholodnyy YuI. [Polygraph as a means of obtaining procedurally significant information on a criminal case]. *Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*. 1999;1:180–185. Russian.
3. Serednev VA. [Polygraph examinations in criminal proceedings: arguments «against»]. *Legal science and law enforcement practice*. 2015;4(34):221–230. Russian.
4. Varlamov VA. *Detektor lzhi* [Lie detector]. 2nd edition. Moscow: PER CE-Press; 2004. 352 p. Russian.
5. Dubyagina OP. [Polygraph and prevention of crime]. In: Dolgova AN, editor. *Kriminal'naya situatsiya na rubezhe vekov v Rossii*. Moscow: Russian Association for Criminology; 1999. p. 226–241. Russian.

6. Kholodnyy YuI. *Primenenie poligrafa pri profilaktike, raskrytii i rassledovanii prestuplenii* [The use of polygraph in the prevention, detection and investigation of crimes]. Moscow: Mir bezopasnosti; 2000. 160 p. Russian.
7. Leont'eva NL. [Polygraph as a source of evidence in a criminal case]. *Yuridicheskaya psikhologiya*. 2011;2:22–26. Russian.
8. Zheglov A. [The detector of truth] [Internet] [cited 2018 May 29]. Available from: <http://www.itogi.ru/archive/2001/42/108930.html>. Russian.
9. Kirvel' V. [The use of polygraph in the course of preliminary investigation and judicial investigation in the Republic of Belarus: the legal problem]. *Yustitsiya Belarusi*. 2017;1:56–61. Russian.
10. Bogayevskiy VA, Pechenkova EA. [Features of the use of countermeasures aimed at distortion of physiological reactions during research using polygraph]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2016;8:231–235. Russian.
11. Larin AM. [Polygraph and human rights in the criminal trial]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1981;6:99–103. Russian.
12. Svobodnyi FK. [Polygraph in the activity of law enforcement agencies: problems and prospects of use]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008;4:119–124. Russian.
13. Svobodnyi FK. *Sudebnaya psikhofiziologicheskaya ekspertiza s ispol'zovaniem poligrafa: vozmozhnosti i tendentsii ee proizvodstva v ugolovnom protsesse* [Forensic psychophysiological examination using polygraph: the possibilities and trends in its performance in the criminal proceedings]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskoi akademii ekonomiki i prava; 2009. 200 p. Russian.
14. Bryanskaya EV. [Argumentary basis of the process of proving the criminal case in the court of the first instance]. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal*. 2016;1:40–45. Russian.
15. Knyaz'kov AS. The problems of evidentiary significance of the course of commission, production and estimation of the results of forensic examinations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. 2014;4:66–74. Russian.
16. Cherkasova ES. [The experience of interrogation using the polygraph in the activities of the investigative directorates of the Investigative Committee under the Prosecutor's Office of the Russian Federation for the Siberian Federal District]. *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii*. 2010;8:103–106. Russian.
17. [Conclusion of the Expert Advisory Council under the Committee of the Council of Federation on Constitutional Legislation «On the Constitutional and Legal Aspects of Using Polygraph as Evidence in the Criminal Proceedings» from 29 March 2011] [Internet] [cited 2018 June 1]. Available from: <https://tarloeg.livejournal.com/8632.html>. Russian.
18. Sheyfer SA. *Sledstvennye deistviya: sistema i protsessual'naya forma* [Investigative actions: system and procedural form]. Moscow: Yurлитinform; 2001. 208 p. Russian.
19. Bryanskaya EV. *Argumentiruyushchaya sila dokazatel'stv pri rassmotrenii ugolovnykh del v sude pervaio instantsii* [The argumentative power of evidence in the consideration of criminal cases in the court of the first instance]. Irkutsk: Publishing House of the Irkutsk State University; 2015. 193 p. Russian.
20. Veretennikova EV. [Subjective and objective factors of inner judge conviction at an estimation of evidence]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik*. 2011;3:95–100. Russian.
21. Dubyagina OP. [The methodology of psychophysiological testing on a polygraph is a reliable forensic tool in establishing the truth] [Internet] [cited 2018 June 1]. Available from: <http://www.phreaking.ru/showpage.php?pageid=53606>. Russian.
22. Kholodnyy YuI [Forensic diagnostic studies using polygraph]. In: Volynskii AF, Lavrov VP, editors. *Kriminalistika*. Moscow: YUNITI-DANA; 2008. p. 32–36. Russian.
23. Komissarova YaV. [Commentary on the Draft Federal Law «On the Use of Polygraph»]. *Yuridicheskii mir*. 2011;5:60–61. Russian.
24. Panyushkin VA. [Scientific-and-technological advance and problems of the development of the new CCP of Russia: the need and the main requirements to the legal regulation of the use of scientific-and-technical advance in the criminal procedure]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess*. 2016;1:17–21. Russian.
25. Tsentrov EE. [On some psychological and forensic aspects of psychophysiological studies on polygraph. Memory and its significance (article one)]. *Vestnik kriminalistiki*. 2012;2:22–30. Russian.
26. Ivanova EV. [About the normative regulation of the procedure of research in forensic expert activity]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2013;4(2):227–234. Russian.
27. Vagina EV. [Psychological features of the composition of polygraph tests]. *The bulletin on pedagogics and psychology of Southern Siberia*. 2017;1:111–122. Russian.
28. Ogloblin SI, Molchanov AYU. *Instrumental'naya detektsiya lzhi* [Instrumental detection of lies]. Moscow: Nuans; Mir; 2004. 464 p. Russian.
29. Porubov AN. *Lozh' i bor'ba s nei na predvaritel'nom sledstvii* [Lying and fighting it in the preliminary investigation]. Minsk: Amalfeya; 2002. 176 p. Russian.
30. Pelenitsyn AB, Soshnikov AP. [The main difficulties and problems of polygraph use in law enforcement activities and personnel work and the recommended ways to overcome them] [Internet] [cited 2018 June 1]. Available from: <http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=919&lvl=05.13>. Russian.
31. Bundesgerichtshof Urt. v. 17.12.1998, Az.: 1 StR 156/98. [Internet] [cited 2018 June 1]. Available from: https://www.jurion.de/urteile/bgh/1998-12-17/1-str-156_98/. German.
32. Postanowienie Sądu Najwyższego od dnia 29 stycznia 2015 r., Sygn. akt I KZP 25/14 [Internet] [cited 2018 June 1]. Available from: <http://www.sn.pl/sites/orzecznictwo/Orzeczenia3/I%20KZP%2025-14.pdf>. Polish.
33. Panteleyev IF. [Some aspects of the psychology of the investigation of crimes]. *Trudy VYUZI*. 1971;XXIX:224–226. Russian.

34. Alekseyev LG, Trofimov TF. [Polygraph – not yet a lie detector]. In: Kuznetsov AG, Yarskaya-Smirnova VN, editors. *Yuridicheskaya antropologiya: sovremennyye puti razvitiya znaniy o cheloveke*. Saratov: Saratovskii yuridicheskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossii; 2017. p. 161–169. Russian.
35. Bozrov VM. [«Lie-detector» and the legal opinion of scholars in criminal process: realities and prospects]. *Biblioteka kriminalista: nauchnyi zhurnal*. 2013;6:197–202. Russian.
36. Komissarova YaV. *Kontseptual'nye osnovy professional'noi deyatel'nosti eksperta v ugolovnom sudoproizvodstve* [Conceptual foundations of the professional activity of an expert in criminal proceedings] [dissertation abstract]. Moscow: Kutafin Moscow State Law University; 2013. 57 p. Russian.
37. Antonov IA, Uzgorskaya IA. [The evidentiary value of forensic conducted prior to the initiation of criminal proceedings]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2016;4:32–35. Russian.
38. Markelov M, Safronov E. [The Investigative Committee relies on the lie detector]. *Izvestiya*. 2017. 3 July. p. 4. Russian.
39. Fedyunin AE. [Psychophysiological examination in the crime disclosure] [Internet] [cited 2018 May 28]. Available from: <http://sud-expertiza.ru/library/psihofiziologicheskaya-ekspertiza-v-raskrytii-prestupleniy/>. Russian.
40. Zuev SV, editor. *Razvitie informatsionnykh tekhnologii v ugolovnom sudoproizvodstve* [The development of information technology in criminal proceedings]. Moscow: Uyrilitinform; 2018. 245 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2018.
Received by editorial board 04.06.2018.